

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 821.161.1.09-6+929Захарьина:929Герцен

А. Е. Виноградова

ПИСЬМА Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ К А. И. ГЕРЦЕНУ 1835 ГОДА: К ПРЕДЫСТОРИИ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ

Статья посвящена досвадебной переписке Н. А. Захарьиной и А. И. Герцена, которая даёт важный материал для понимания истоков будущей семейной драмы.

Ключевые слова: эпистолярный, семейная драма, предыстория, идеализация.

Вопрос о семейной драме А. И. Герцена неоднократно становился предметом изучения. Истоками «крушения любви» обычно называют увлечение Герцена идеями новой морали и новых социальных отношений, романтические настроения его жены Натальи Александровны и поиск ею собственной идентичности [2: 7]. Однако предысторией является вся многолетняя история отношений, предшествовавшая семейной драме, в том числе и досвадебная переписка 1835–1838 гг., в которой каждый из корреспондентов создавал идеальный образ другого.

Наталья Александровна Герцен (урожд. Захарьина), двоюродная сестра, друг и жена Александра Ивановича Герцена, осталась в истории русской культуры, прежде всего, как его супруга и героиня книги «Былое и думы». Традиционно исследователи рассматривают её личность лишь как часть биографии Герцена, а к их досвадебной переписке обращаются в основном как к бесценному источнику биографических сведений. Вместе с тем письма Захарьиной к Герцену 1835 г., имеющие самоценность человеческого документа, дают особенно важный материал для понимания предыстории семейной драмы. Наше специальное внимание к ним обусловлено, прежде всего, тем, что 1835 год был замечателен как время осознания того чувства, которое Герцен назвал средним *«между земной любовью и дружбой»* [2: 41].

Захарьина была незаконнорожденной дочерью дяди Герцена – Александра Алексеевича Яковлева. Девочке было семь лет, когда умер отец, и она оказалась воспитанницей его сестры, княгини Хованской, женщины *«старой, <...> причудливой, капризной, эгоистичной и холодной»* [6: 102]. Безрадостная жизнь в доме тётки навсегда оставила в душе Захарьиной мрачные воспоминания. Упрёки и оскорбления привели к отчуждению от окружающих, недоверчивости к их ласкам и углублению в самоё себя. С ранних лет она была склонна к религиозной экзальтации, круг её чтения способствовал формированию романтической восторженности и мечтательности.

Как брат и сестра Герцен и Захарьина знали друг друга с детства, но, по справедливому замечанию И. Л. Савкиной, *«душевно сблизились в то*

*время, когда Герцен был уже студентом, и особенно во время его ареста и тюремного заключения» [7: 317]. Важным фактором, определившим их дальнейшее сближение, стала переписка. 20 июля 1834 г. Герцена арестовали по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни». После заключения в Крутицких казармах он был сослан в Пермь, а оттуда переведён в Вятку. Хотя в ссылке находился Герцен, ощущение неволи и чувство одиночества характерны именно для эпистолярия Захарьиной. Мотив одиночества, определяющий основное настроение её писем, вербализируется и как непосредственная характеристика своих ощущений, и как метафорическое их обозначение понятиями мрака, холода, сна, но наиболее ярко – через пространственные образы угла, погреба, леса, пустыни. В самом первом послании от 28 мая 1835 г. Захарьиной, испытывая отчуждённость от окружающих, укоряет Герцена в том, что он, поглощённый круговоротом новых лиц и событий, может забыть, «что в уголке Москвы живёт Наташа...» [2: 14]. Обозначая своё местоположение, она использует слово *уголок*, которое предельно минимализирует жизненное пространство, представляя его как неполноценное и ограниченное. Такова же функция образа погреба, находящегося под землёй, лишённого света и свежего воздуха: «*Июнь месяц, все жалуются на несносный жар, а для меня Москва – погреб, гадкий, душный погреб*» [2: 18].*

Образы угла и погреба характеризуют личное пространство адресанта как ущербное, замкнутое, оторванное от внешнего мира и искусственно ограниченное. В негативном смысле используется и образ леса. В письме от 18 сентября 1835 г. Захарьиной сообщает: «*Завтра, завтра мы в Москве! Для меня это всё равно, что завтра мы в лесу, – и пусто, и немо для меня там всё*» [2: 33]. Показательно, что Москва осмысливается как лес – враждебное пространство, где она обречена на абсолютное одиночество и безвестную гибель среди «живых мертвецов». Таково же семантическое наполнение образа пустыни, атрибутами которого являются пустота и немота: «*...среди этой пустыни, где ни травки, ни малейшего звука*» [2: 50]. Природные локусы леса и пустыни как будто диаметрально противоположны углу и погребу, т.к. соединены с «открытым» внешним миром и являются его частью. Но в контексте эпистолярия они оказываются семантически близки и взаимодополняемы, воплощая чувство неприкаянности и одиночества.

Постоянное ощущение одиночества и изоляция от внешнего мира провоцировали концентрацию внимания Захарьиной на своих отношениях с Герценом, что постепенно привело к его идеализации и обожествлению, позже – к стремлению отказаться от собственной личности и раствориться в нём. Эти настроения проявляются в её письмах 1835 г. и становятся источником мотивов вечной дружбы, благословенной Богом, «родства» и «святых часов» – особого времени, отводимого для эпистолярных бесед с Герценом. Дружба понималась ею как сочетание преданности, слепой веры и жертвенности. Особым образом она воспринимала своё родство с Герценом, видя в нём и отца, и мать, и брата, чувствуя себя без него бесприют-

ной сиротой. Даже Вятка, место его ссылки, казалась ей родной: «*О, как люблю тебя, родная Вятка, ты мне более столицы, в тебе я живу, в тебе всё!*» [2: 23]. Образ Герцена в сознании Захарьиной был противопоставлен всем окружающим. Пытаясь сохранить неприкосновенность своего кумира, для общения с ним она выбирала особое время: «*Я забываю тебя, когда глаза мои видят гнусность и низость <...> Нет, зачем воспоминание о тебе помещать в эти чёрные часы? У меня есть часы святыя*» [2: 42]. Захарьина не просто жила мыслями о Герцене, она чувствовала себя обязанной ему ощущением красоты и полноты жизни, т.к. именно он дал ей возможность «*познать прекрасное и высокое, заставил любить Творца, создание, жизнь и самоё себя*» [2: 42].

Письма Герцена приобретали статус путеводной звезды, а принадлежащее ему символическое сравнение кузины с голубем, привязанным к нему как к ракете, способствовало утверждению идеи о нераздельности их существования. В определённые моменты Захарьина начинает ощущать свою слитность с Герценом, переставая осознавать себя отдельным субъектом: «*...в существе моём нет меня, я исчезла, в нём живёт лишь Он и ты*» [2: 48]. Однако полному уничтожению собственного «Я» препятствовала натура Захарьиной, потому что при внешней хрупкости она была человеком сильным и самодостаточным.

Как видно из писем Захарьиной, идеализация образа Герцена происходила постепенно, в этом процессе можно выделить три основных этапа. Поначалу она испытывала гордость за старшего брата, которого наделяла высокими нравственными качествами, желая быть достойной его внимания и дружбы. Затем она начинает присваивать «особый» статус его вещам. Предметы, когда-то принадлежавшие ему или связанные с ним, выделяются из ряда других объектов и превращаются в фетиши. Зонтик, башмаки, присланные братом в подарок, имеют для неё особую ценность. Чтобы напиться воды из родника, она берёт с собой на прогулку его стакан. Даже строки из «Апостола» воспринимаются ею не как отрывок из богослужебной книги, а как цитата из письма Герцена. Идеализируемый образ старшего брата постепенно приобретает черты божественного существа, общение с которым становится своего рода небесной благодатью: «*Ко мне нет звания, – твоё слово, одно слово – для меня песнь вселенной!*» [2: 51].

Таким образом, письма Захарьиной 1835 г. дают возможность понять, как она создавала кумира, ориентируя на него свою жизнь, как пестовала желание жертвовать ему всем, верить в него как в Бога. В силу авторефлексивности и предельной искренности эпистолярный Захарьиной представляет собой важный человеческий документ, во многом объясняющий характер адресанта, особенности её мировосприятия и отношения к Герцену, что очень важно для понимания последующей динамики их взаимодействия. Изучение писем Захарьиной позволяет проследить, как формировался идеальный образ Герцена, чтобы позже, не выдержав ореола святости, превратиться в прах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н. П. Введение // Н. А. Герцен (Захарьина): Материалы для биографии // Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 63. – Кн. 3. – С. 355–363.
2. Герцен А. И. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной: В 7 т.– СПб.: Издание Ф. Ф. Павленкова, 1905. – Т. 7. – 649 с.
3. Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. – М.: Наука, 1997. – Т. 99. – Кн. 1. – С. 7–54.
4. Дрыжакова Е. Н. Герцен на Западе. – СПб.: Академический проект, 1999. – 299 с.
5. Елизаветина Г. Г. «Всегда в движении!» // Герцен А. И. Сочинения: В 4 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – С. 3–22.
6. Некрасова Е. С. Примечания к публикации переписки А. И. Герцена и Н. А. Захарьиной // Русская мысль. – 1893. – № 1. – С. 98–102.
7. Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 416 с.
8. Созина Е. Сознание и письмо в русской литературе // http://abursh.sytes.net/abursh_page/Sozina/Soznanie/Chapter_2_a.asp
9. Чуковская Л. К. Начало. Из книги «Герцен» // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1967. – Т. 3. – С. 13–121.

УДК 821.161.1.09+929Шишков

Е. В. Громова

ДРАМАТУРГИЯ В.Я. ШИШКОВА
КАК ЭТАП ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПИСАТЕЛЯ

Пьесы В. Я. Шишкова рассматриваются в контексте творчества писателя 1920-х гг., их жанрово-стилевое своеобразие определяется путём выделения в них элементов народной смеховой культуры, карнавала, а также соотнесения с народной драмой.

Ключевые слова: В. Я. Шишков, драма, народная драма, народная смеховая культура, карнавал.

Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) широко известен как автор прозаических произведений, которые в наибольшей степени изучались литературоведами 1950–1980-х гг. В настоящее время интерес к наследию этого, несомненно, большого писателя незаслуженно ослабел, хотя «белых пятен» в его творческой биографии осталось немало. Одним из них является драматургическое наследие В. Я. Шишкова.

1920–1925 гг. – время увлечения В. Я. Шишкова юмористическим жанром. Широко известен написанный им в этот период цикл рассказов, названных автором «шутейными». Они составили 4 из 12 томов первого, прижизненного, собрания сочинения В. Я. Шишкова, вышедшего в 1926–1929 гг.: «Спектакль в селе Огрызове» (т. 7), «Торжество» (т. 8), «Диво